
ВИТАЛИЙ ВЕЙН
ПЕСНЬ ПЕПЛА И ПЛАМЕНИ
18+

Виталий Вейн

Песнь Пепла и Пламени

https://litres.ru/74717424
SelfPub; 2026

Аннотация

В узком подземном ходе пахло сырой породой, озоном и смертью.Двадцать лет. Три друга. Одна роковая трещина в скале.

Виталий успел только увидеть, как чудовище из другого мира разрывает тех, кого он поклялся защищать. А потом пространство разорвалось — и выбросило его в чужой лес под двумя солнцами.Теперь он один.

В мире, где людей клеймят как скот, где подгорные короли перемалывают тысячи жизней в арканитовой пыли, а древняя сила, дремавшая в крови человечества, начинает просыпаться.У Виталия нет пророчеств и избранности.

Есть только тяжёлая вина, инженерия вместо магии и одно решение, которое он уже принял:

второй раз он убегать не будет.Даже если за это придётся стать тем, кого этот мир давно забыл.

Содержание

АКТ I. ПАДЕНИЕ СКВОЗЬ ГРАНЬ 6
ГЛАВА 1. ЦЕНА ПАДЕНИЯ 7
ГЛАВА 2. КЛЫКИ БАГРЯНОЙ ЧАЩИ 22
ГЛАВА 3. ТРИ ЧАСА ТЬМЫ 33
ГЛАВА 4. ХУТОР НА КРАЮ СВЕТА 45
ГЛАВА 5. ЖЕЛЕЗНЫЙ СБОР 58
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Виталий Вейн
Песнь Пепла и Пламени

Руины святилища Первых. Наследие Драконьих Владык и зов Звездной Ткачихи.

«Они думали, что пламя можно запереть в шахтах и рудниках.

Они забыли, что огонь лишь копит ярость в тишине, пока искра истинного сердца

не обратит оковы в раскаленную сталь».

— Из хроник Первой Эпохи

АКТ I. ПАДЕНИЕ СКВОЗЬ ГРАНЬ

Забои Четвертого Горизонта рудника «Монолит».

ГЛАВА 1. ЦЕНА ПАДЕНИЯ

В узком подземном проходе пахло сырой породой, древней пылью и озоном.

Лучи налобных фонарей выхватывали из темноты причудливые сталактиты, похожие на рёбра огромного доисторического существа. Под подошвами горных ботинок похрустывал влажный гравий вперемешку с вековым известняковым крошевом. С каждым шагом в глубь горы привычный мир земной поверхности — с его шелестом сосен, запахом прелой хвои и далеким гулом автотрассы — таял, уступая место тяжелому, первобытному безмолвию недр.

Костя присел перед трещиной в каменной стене. Круглые очки запотели от сырости, но он, казалось, даже не замечал этого. Всё его внимание было приковано к тонкой кристаллической жиле, мерцавшей в холодном луче диода странным, фосфоресцирующим фиолетовым светом.

— Витёк, Димка, вы только посмотрите на это... — взволнованно прошептал он, поднося ювелирную лупу почти вплотную к камню. Пальцы геолога мелко подрагивали. — Структура совершенно не похожа ни на один известный мне земной минерал. Сингония кубическая, но спайность аномальная... Если это действительно природное образование, перед нами открытие века! Нас на кафедре на руках носить будут!

Димка, широкоплечий крепыш в потёртой брезентовой штормовке, мастер спорта по греко-римской борьбе и вечный мотор любой компании, усмехнулся и поправил лямку тяжелого экспедиционного рюкзака:

— Слышь, академик, ты свои булыжники складывай, а то мы до базовой стоянки сегодня не доберёмся. Мне ещё пацанам в зале обещал новый приём показать — контрзахват на ближней дистанции. Вот выиграем первенство, открою в райцентре нормальный спортзал, буду пацанов из детдома бесплатно тренировать, чтоб на улицах дурью не маялись. Матери с сестренкой помогу подняться, а тебя, Костян, позову главным научным консультантом — будешь лекции читать о минералах и пользе солей!

Он повернулся к третьему спутнику:

— А ты, Витёк, когда-нибудь перестанешь командовать?

Виталий улыбнулся краешком губ, не ослабляя пальцев на карабинах страховочной системы:

— Когда вы оба научитесь смотреть под ноги. Здесь карстовые пустоты. Каменная полка может оказаться непрочной. Держимся вместе, дистанция три метра.

Димка закатил глаза, но спорить не стал — только привычно проверил охотничий нож в прочных кожаных ножнах на поясе и перехватил фонарь.

Они давно привыкли друг к другу. Костя отвечал за знания и научную дотошность, Димка — за неукротимую энергию и настроение, а Виталий следил, чтобы их вылазки в глу-

хие ущелья не закончились вызовом вертолета МЧС. Иногда казалось, что именно так и должна выглядеть настоящая дружба: без громких клятв, с привычными подколками и твердой, как гранит, уверенностью, что в трудную минуту каждый прикроет спину другого.

Тогда Виталий ещё не знал, насколько дорого ему обойдётся эта уверенность.

* * *

У железа есть одно редкое свойство: оно никогда не врёт.

Штанге весом под двести килограммов всё равно, какое у тебя настроение, сколько тебе лет и о чём ты думал по дороге в зал. Если ты подошёл к грифу расхлябанным или неуверенным — сталь просто вдавит тебя в помост, вывернет плечи и сорвёт связки. Чтобы поднять такой вес, нужно выбросить из головы лишний мусор, туго затянуть пояс, вдохнуть до звона в ушах и превратить тело в единый жесткий рычаг.

Виталий усвоил это правило в четырнадцать, когда отец впервые привел его в старый полуподвальный спортзал.

В свои двадцать Виталий уже выглядел старше сверстников. При росте около метра восьмидесяти пяти он весил почти девяносто килограммов. Широкие плечи, мощная спина и крепкая шея выдавали в нём человека, привыкшего работать с тяжёлыми весами и часами отрабатывать броски на ковре. Он не был похож на типичного школьника. Скорее на молодого спортсмена, который слишком рано привык к железной дисциплине, расчету и ответственности за тех, кто

идет рядом. Его серые, цепкие глаза смотрели на мир без лишней суеты: взгляд техника и бойца, привыкшего оценивать прочность опоры и запас прочности материала, прежде чем сделать следующий шаг.

И всё же внутри этого немногословного парня с крепкими кулаками всегда жило нечто потаенное. То, о чём он не рассказывал даже близким: глухая, щемящая тяга к звёздам, старым фолиантам о забытых королевствах и древних героях, странное предчувствие, будто его настоящая жизнь должна начаться где-то далеко за гранью привычных кирпичных пятиэтажек.

— Вит, хорош ворон считать! Погляди, тут сквозняк идет! — голос Димки раздался из темного ответвления коридора.

Виталий подошел ближе, светя налобным лучом под ноги.

В глубине тупиковой галереи зиял свежий пролом. Это не походило на обычный карстовый обвал: края гранитной плиты выглядели идеально оплавленными, словно породу резали чудовищным высокотемпературным автогеном. Камень отливал маслянистым антрацитовым блеском, а из зева щели веяло не сыростью подземелья, а резким, колючим озоном и застарелым запахом каленого железа.

Виталий присел на корточки и коснулся оплавленной кромки:

— Холодный. Ледяной, будто из морозильника. Не нравится мне это место. Порода вокруг нестабильна. Если пойдет осыпь — нас тут похоронит намертво.

— Да брось ты, Вит, вечно ты перестраховываешься! — Димка уже сбросил рюкзак на камень и вытащил нож, поддевая лезвием каменный скол. — Мы только одним глазком глянем. Вдруг там подземный зал со сталагмитами? Сфотографируем — пацаны рты раскроют.

Костя ещё раз внимательно посмотрел на тёмный пролом. Любопытство явно боролось в нём со здравым смыслом:

— Если это действительно искусственный туннель... мы не можем просто развернуться и уйти, — наконец произнёс он, поправляя запотевшие очки. — Хотя бы осмотрим первые несколько метров. Я сниму сколы породы.

Виталий недовольно выдохнул, чувствуя, как внутри нарастает необъяснимая, глухая тревога:

— Пять минут. И ни шагу дальше без моей команды.

* * *

Лаз вел вниз под крутым углом. Первые метры пришлось преодолевать ползком, цепляясь локтями за твердый, скользкий базальт. Но затем свод внезапно взметнулся вверх, расширяясь в просторную галерею правильной круглой формы.

Виталий встал в полный рост, сжимая в руке рукоять ножа, и поднял фонарь.

Стены туннеля не были выбиты кирками и не напоминали природную пещеру. Они состояли из сплошного черного камня, гладкого, как зеркало, в глубине которого слабо пульсировали тончайшие лазурные нити, похожие на кровенос-

ные сосуды исполинского спящего организма. От стен исходил низкий, утробный гул на грани слышимости — от него ныли зубы и холодели пальцы.

— Костя... что это за порода? — тихо спросил Димка. Его обычная бравада словно растворилась в вязком воздухе.

Костя подошел к полированной стене, протянул дрожащую руку, коснулся кристалла пальцем и тут же отдернул руку:

— Это не камень... Это органический композит. На Земле нет таких элементов. Ни в одной таблице...

— Всё. Уходим, — Виталий шагнул к выходу, положив тяжелую ладонь на плечо Димки. — Пять минут вышли. Быстро к свету.

И ровно в это мгновение воздух в туннеле словно исчез.

Это не сопровождалось звуком или грохотом: кислород просто выжгло невидимым ледяным вакуумом. Температура рухнула вниз с ужасающей быстротой. Выдох вырвался белыми хлопьями пара и мгновенно осел на куртках колючим кристаллическим инеем. Стекло фонаря у Кости лопнуло со звонким сухим щелчком.

Лазурные вены в черных стенах вспыхнули слепящей сапфировой яростью.

Из-за изгиба коридора, всего в пятнадцати метрах от них, бесшумно выступил силуэт.

* * *

Сначала Виталий увидел лишь смутное черное пятно —

колоссальную тень, заслонившую туннель от пола до трехметрового свода. Затем тьма обрела плоть.

Существо напоминало хищника из кошмарных преданий, но размерами превосходило самого крупного тигра: не меньше трех с половиной метров от массивной морды до основания хвоста. Его покатая, чудовищная грудь вздымалась без звука, а иссиня-черная шерсть стояла дыбом, искрясь статическим зарядом.

Вдоль хребта зверя и вокруг его колоссального черепа полыхала густая грива. Но это было не теплое пламя костра — это был сапфирово-синий, ледяной огонь. От него веяло таким могильным холодом, что базальтовые плиты под лапами чудовища трескались и покрывались тонкой коркой черной ледяной сукровицы. На боках зверя темнели глубокие, сочащиеся смолой раны — следы древних, страшных битв.

А затем зверь шевельнулся, и Виталий похолодел.

Вместо хвоста позади твари хлестнул длинный гибкий отросток, покрытый костяной броней, венчавшийся слепой, плоской головой ядовитого аспида с раскрытой пастью.

И самое жуткое: на морде самого волка не было глаз. На их месте темнели безглазые, глубокие провалы, из глубин которых бил ровный, безжалостный синий свет древнего разума, не знающего пощады.

— Б-бегите... — выдавил Костя, роняя бесполезный фонарь.

Димка среагировал первым. С яростным ревом он рванул

охотничий нож из ножен, шагнув вперед и закрывая собой застывшего Костю:

— Уходи, Костян! Витёк, назад!

Тварь даже не присела для прыжка.

Она размылась в воздухе, словно чернильная клякса. Скорость броска была нечеловеческой, запредельной для земной биологии.

Воздух взорвался свистом. Когтистая лапа чудовища со страшной силой обрушилась на Димку. Удар распорол штормовку, перебил ребра и с чудовищным хрустом оторвал правую руку, сжимавшую рукоять ножа. В ту же долю секунды челюсти зверя сомкнулись на груди парня. Хлынула алая кровь, остекленевшие глаза Димки распахнулись в немом шоке, и его тело рухнуло на плиты.

— ДИМОН! — истошно, срывая связки, закричал Костя.

Ослепленный ужасом, геолог вскинул свой тяжелый молоток, бросаясь на зверя:

— СДОХНИ, ТВАРЬ!

— КОСТЯ, НЕТ! — Виталий метнулся вперед, выбрасывая руку в отчаянном рывке.

Пальцы почти зацепили ворот штормовки друга, но змеиный хвост волка уже хлестнул со скоростью хлыста. Костяной гребень на хвосте чудовища со страшной силой врезался Косте в висок. Очки брызнули осколками, голова парня дернулась от жестокого удара о каменную стену, и Костя рухнул без звука, раскинув руки.

Четыре секунды. Два друга.

Воздух застрял в легких Виталия раскаленным свинцом.

Виталий смотрел на Димку и не мог понять, почему тот не двигается.

Ещё несколько минут назад он смеялся. Только что собирался открыть собственный зал в райцентре, спорил о тренировках и обещал показать новый борцовский приём.

Виталий ждал, что Димка сейчас поднимется. Выругается сквозь зубы. Скажет, что всё нормально, что это просто царапина.

Но тот не двигался. Под его изуродованным телом растекалась темная лужа крови.

— Димон...

Ответа не было.

И только тогда до Виталия начало доходить, что произошло. Их больше не было. Всё, что связывало его с домом, с земной жизнью, со всеми планами и надеждами, оборвалось в кровавой тишине этого проклятого зала.

Зверь медленно опустил морду. Синий свет в пустых глазницах сфокусировался на Виталии.

Тварь не спешила нападать. Она сделала один размеренный, тяжелый шаг вперед, отрезая путь назад — к спасительному лазу, к ущелью, к дневному свету. Змеиный хвост угрожающе взметнулся над хребтом, отсекая малейшее движение влево или вправо.

Хищник не убивал его. Он загонял. Как пастух загоняет

овцу в узкий загон, тварь выдавливала его вглубь коридора — туда, где стены туннеля пульсировали все яростнее.

Первобытный, липкий ужас ледяной волной накрыл сознание Виталия. Каждая мышца кричала: беги!

И он побежал.

Он резко крутанулся на пятке, вложив в разворот всю мощь ног, и рванул изо всех сил вперед — в глубину чужого, сияющего коридора. Он бежал, спасая собственную жизнь, пока за спиной оставались тела тех, кого он поклялся беречь.

* * *

Позади раздался оглушительный, торжествующий рык, от которого по стенам туннеля побежали трещины.

Виталий мчался с предельной скоростью, на какую только было способно его тело. Ноги работали, как поршни гидравлического пресса, легкие жгло от сухого морозного воздуха. Сзади, метрах в трех, тяжело ухали когтистые лапы чудовища. Тварь не приближалась, но и не отставала, с математической точностью удерживая дистанцию.

А туннель вокруг стремительно менялся.

Базальт истончился, превращаясь в прозрачные, мерцающие мембраны. Сквозь них проступали жуткие, невозможные бездны: гигантские застывшие туманности, циклопические скелеты крылатых титанов, парящие обломки неведомых цитаделей.

Гравитация дрогнула.

Каждый шаг швырял Виталия вперед на несколько мет-

ров. Пространство закручивалось штопором: пол уходил под углом вверх, затем переворачивался. В ушах звенел ультразвуковой визг, перед глазами плыли багровые круги.

Впереди, на месте тупика, взревел вихрь разорванного пространства. Из пролома било двойное сияние: червонное золото и ледяной, пронзительный сапфир.

Волк позади хлестнул хвостом по нависающему своду. Огромная каменная плита рухнула вниз, взрывая пол осколками.

Один из тяжелых обломков ударил Виталия в правое плечо.

Боль обожгла ключицу, его сорвало с траектории бега, закрутило волчком — и с размаху выбросило прямо в ослепительный, ревущий колодец червонно-синего света.

* * *

Пространственный разлом выплюнул его в небо.

Никакой опоры под ногами. Ни грана тверди. Только свист плотного, незнакомого воздуха в ушах и головокружительная панорама внизу.

Виталия выбросило из невидимой трещины в воздухе на высоте пятидесяти метров над бескрайним морем чужого леса. Внизу, насколько хватало взгляда, колыхались исполинские кроны деревьев с темно-багряной, кроваво-красной хвоей.

Скорость свободного падения в густой атмосфере нарастала стремительно. Но за доли секунды до катастрофы в два-

дцатилетнем спортсмене сработали вбитые годами тренировок рефлексы. Он не закричал, не заметался в воздухе — сгруппировался, втянул голову в плечи, развернул корпус и согнул колени, готовясь встретить удар.

Он пробил кроны трех ярусов гигантских сосен.

Толстые, смолистые ветви ломались с пушечным треском, рассекая ткань куртки, сдирая кожу на плечах и бедрах, но гася смертельную кинетическую энергию падения девяностокилограммового тела.

Последний удар пришелся на мощный полуметровый слой влажного сизого мха у подножия отвесной гранитной скалы.

Виталий перекатился через плечо, ударился бедром о замшелый валун и замер на спине, судорожно хватая ртом воздух.

Тишина.

Грохот разорванного пространства, рев чудовища, свист ветра — всё оборвалось мгновенно, будто захлопнулась тяжелая кованая дверь.

Виталий лежал неподвижно, прислушиваясь к сигналам собственного тела. Зрение ясное, в глазах не двоится. Шея цела. Пальцы рук и ног сжимаются без задержки. Ребра и плечо гудят тупой, ноющей болью от хлестких ударов сучьев, но кости целы — открытых переломов нет, внутренние органы не повреждены. Он сделал глубокий вдох. Грудная клетка двигалась ровно.

Воздух был плотнее земного, тяжелым и сладковатым, пахнущим незнакомой смолой, озоном и терпким металлом. А вес собственного тела казался непривычно малым: гравитация здесь была заметно слабее, примерно на пятнадцать процентов уступая земной.

Виталий медленно поднялся на локтях и оглянулся назад.

Сзади возвышался сплошной гранитный утес, поросший лишайником. Ни трещины. Ни пролома. Никакого следа той пещеры, откуда он выпал.

Он запрокинул голову.

Над ним вздымался циклопический багряный лес. Стволы деревьев толщиной в несколько обхватов уходили ввысь на сотню метров, сплетаясь ветвями в сплошной багровый полог.

Но в просвете между кронами открывалось небо.

Небо было глубокого, бархатного индигового цвета. И на нём сияли два солнца.

Одно — огромное, ослепительно-золотое, стояло в зените, заливая мир жарким полуденным светом. Второе — меньшее, цвета чистейшего сапфира, висело чуть в стороне, окрашивая тени в причудливые фиолетовые тона. А прямо над ними, заслоняя четверть небесного свода, застыл исполинский серебряный диск планеты-гиганта, опоясанный мерцающими кольцами неземной красоты.

Виталий медленно опустился на колени во влажный мох.

Руки дрожали мелкой, непрекращающейся дрожью. На

разорванном рукаве ветровки темнели бурые, подсыхающие пятна крови Димки и Кости.

Земли больше не было. Друзей больше не было. Всё, что он любил, во что верил и к чему стремился, осталось по ту сторону разорванного пространства.

Он остался один. И в тишине багряного леса его жгло единственное, невыносимое осознание: он выжил только потому, что побежал.

* * *

Тот вечер перед спуском в шахту «Седая Пропасть» на Западном Кавказе запомнился Виталию навсегда.

Они сидели в базовом палаточном лагере на высоте двух тысяч двухсот метров над уровнем моря. Бензиновая горелка «Примус» мерно гудела, выбрасывая синеватый язычок пламени, на котором в закопченном алюминиевом котелке закипал чай с сушеным чабрецом. За брезентовым пологом выл ледяной ветер, швыряя в скаты палатки мелкую крупу.

Костя, поправив круглые очки в проволочной оправе, с увлечением чертил карандашом на планшете геологический разрез массива: — Понимаешь, Виталька, судя по гравиметрическим аномалиям, эта полость не карстового происхождения. Породы словно оплавлены колоссальным направленным тепловым излучением... Словно миллионы лет назад сюда ударил плазменный луч из стратосферы.

— Да брось ты свою плазму, профессор, — весело скалился Димка, смазывая маслом эксцентрики страховочных

френдов. — Обычная тектоническая трещина! Зато если пробьем сифон глубже полутора километров — это мировой рекорд глубины! Все спелеологи Союза и Европы рты раскроют! Виталька, как главный по инженерной навеске, первым пойдет на отвес. Согласен, бригадир?

Виталий тогда лишь сдержанно улыбнулся, проверяя на разрыв капроновую веревку «Коломенка» диаметром одиннадцать миллиметров: — Рекорды — дело десятое, Димка. Главное — вернуться на поверхность всем троим. В карсте спешка карается камнепадами. Спуск пойдет по всем правилам: двойная страховка на каждом перегибе, спиты через каждые сорок метров, связь по кабелю каждые полчаса.

Как горько теперь было вспоминать ту уверенность...

Когда на глубине тысячи четырехсот метров сорвался стотонный свод базальтовой пробки, все земные правила обратились в прах. Грохот падающих монолитов, отчаянный крик Димки, сорвавшегося в бездну вместе со станцией, и Костя, чью руку Виталий держал изо всех сил, пока гранитный блок не рассек капрон...

Боль той утраты выжгла в душе юноши пустоту, которую не могло заполнить ничто в этом новом, страшном мире.

ГЛАВА 2. КЛЫКИ БАГРЯНОЙ ЧАЩИ

Лес оказался не таким тихим, каким показался Виталию сначала.

Первые часы после падения он почти не замечал ничего, кроме собственного хриплого дыхания и ноющей боли в ушибленном плече. Он пытался сориентироваться, запомнить очертания гранитной скалы за спиной и найти хотя бы один источник питьевой воды.

Он сидел на замшелом выступе, привалившись затылком к холодному камню.

Кровь Димки на разорванном рукаве ветровки уже подсохла, превратившись в жесткую, ломкую корку. В горле стоял кислый, горький ком такой силы, что каждый глоток воздуха отзывался спазмом.

«Я побежал. Они остались там, а я побежал».

Виталий сжал кулаки так, что побелели костяшки.

Он снова видел тот туннель. Синее ледяное пламя. Димку, который не успел даже договорить, заслоняя Костю. Костю, пытавшегося в отчаянии поднять геологический молоток.

Он мог броситься на чудовище. Мог попытаться помочь. Мог хотя бы погибнуть рядом, как подобает другу и мужчине.

Но он побежал.

— Я не мог... — прошептал он в пустоту.

Слова прозвучали жалко, чужо и мертво. И хуже всего было то, что он сам не знал, правда ли это. Инстинкт самосохранения выбил рассудок, превратив девяносто килограммов тренированных мышц в спасающегося бегством зверя.

Виталий долго сидел неподвижно, глядя в багряный мох под ногами, пока холодный верховой ветер не заставил его вздрогнуть и подняться.

Он не простил себя. Не принял случившееся. Просто понял: если он останется здесь и позволит себе сломаться, то сдохнет следом за ними, превратившись в корм для неизвестных тварей. А пока он жив, у него оставалась хотя бы одна обязанность перед погибшими: выстоять любой ценой и не позволить их смерти стать бессмысленной.

* * *

Виталий заставил себя провести строгую ревизию.

Снаряжение было предельно скудным: горные ботинки с глубоким протектором, плотные спортивные штаны из рипстопа, изодранная ветровка, механические часы с автоподзаводом на запястье и прочный складной нож с восьмисантиметровым лезвием из инструментальной стали. Ни спичек. Ни соли. Ни фляги с водой.

Жажда начала давать о себе знать. Воздух здесь был плотнее земного примерно на пятнадцать процентов, обогащенный кислородом и фитонцидами, но сухой горный ветер быстро иссушал слизистые.

Спустившись по пологому склону к дну неглубокого распадка, Виталий срезал ножом полутораметровый прямой сук подлеска. Древесина оказалась невероятно плотной, тяжелой, как свинец: кремниевые волокна сопротивлялись лезвию с металлическим скрежетом. Обтесав комель о гранитный скол, он получил увесистую, надежную дубинку, способную раздробить кость при точном ударе.

Вскоре между камнями зажурчал тонкий ручей. Вода в нем была кристально чистой, ледяной, но отдавала странным металлическим привкусом.

Виталий замер на коленях у кромки воды. В земных условиях пить сырую воду в незнакомой местности было верхом безумия. Но выбор стоял предельно жестко: либо прогрессирующее обезвоживание добьет его через сутки, превратив в беспомощную мишень, либо он рискнет.

Он смочил губы. Жжения не последовало. Подождал несколько минут, прислушиваясь к ощущениям в желудке, а затем сделал несколько жадных, осторожных глотков. Ледяная влага обожгла пересохшее горло, смывая привкус озона и крови.

Он поднялся и двинулся дальше вниз по сухому каменистому распадку.

* * *

Но постепенно начали проявляться странности.

Ветки на высоте человеческого роста были обломаны — словно сквозь заросли продиралось что-то тяжелое и мас-

сивное. На влажной илистой почве у камней темнели глубокие следы, похожие на отпечатки лап, но слишком широкие для любого знакомого земного хищника. А иногда между багряными стволами мелькали бесшумные тени, исчезавшие прежде, чем Виталий успевал повернуть голову.

Виталий остановился.

Лес замолчал.

Даже стрекот невидимых насекомых, до этого непрерывно звенесectionsший в кронах, внезапно оборвался. Наступила та зловещая, напряженная тишина, которая предшествует удару.

Он медленно перехватил обеими руками самодельную дубинку, опустив центр тяжести и выставив левую ногу вперед, как учили в зале борьбы.

Из-за ближайшего исполинского ствола показалась голова.

Зверь был похож на матерого серого волка, но имел неестественно широкую, приплюснутую пасть, усаженную игольчатыми зубами, и шесть холодных янтарных глаз, расположенных тремя ярусами. Длина его мускулистого тела достигала двух с половиной метров. А следом из подлеска бесшумно выскользнули еще двое — чуть меньше вожака, с шестью когтистыми лапами и жестким гребнем вдоль хребта.

Виталий медленно отступил на полшага назад, прижимаясь спиной к каменному выступу.

Теперь он понимал: в этом лесу он не охотник.

Он добыча.

* * *

Стая не стала медлить.

Боковые звери начали обходить его по дуге, беря в клещи, а вожак припал к земле, готовясь к прямой атаке.

Зверь двигался неправильно. Его средняя пара лап почти не касалась земли, но именно она позволяла ему мгновенно менять направление движения. Виталий видел, как хищник пересекает поляну по прямой, а через долю секунды уже несётся сбоку под острым углом, словно законы земной инерции для него не существовали.

«Лобовой удар меня убьёт, — молнией пронеслось в голове. Девяносто килограммов против полутора центнеров дикой мощи. — Нужно заставить его промахнуться и встретить на противоходе».

Он дождался броска.

Вожак метнулся вперед с глухим свистом рассекаемого воздуха, целя распахнутой пастью прямо в горло.

Виталий не стал пятиться. За мгновение до столкновения он резко качнул корпус вправо и ушел с линии атаки под углом сорок пять градусов. Опустившись на колено, он с размаха вложил всю силу плеч и спины в удар дубинкой.

Тяжелый сук из железной древесины врезался зверю в основание черепа с костяным хрустом.

Вожака закрутило в воздухе, швырнуло на камни. Но удар

не убил тварь — лишь оглушил на доли секунды. В ту же секунду второй хищник прыгнул с фланга, целя когтями в бедро Виталия.

Виталий среагировал на инстинктах: отмахнулся обломком дубинки, расколовшейся от первого удара, сбив зверя с траектории. Но третий хищник уже настигал его со спины.

Когти скользнули по плотной ткани рип-стопа, распоров штанину и содрав кожу на икре. Боль обожгла ногу, но адреналиновый шквал выжег слабость.

Вожак уже поднялся на лапы, яростно щелкая тройным рядом зубов. Его янтарные глаза налились бешенством. Он снова пошел на таран, перекрывая Виталию выход из распадка.

Отступать было некуда. Сзади высилась глухая скальная осыпь.

Виталий выпустил бесполезный обломок палки. Пальцы левой руки легли на рукоять ножа в кармане, а правая ладонь поднялась перед лицом в классической борцовской стойке.

Вожак прыгнул.

На этот раз зверь не стал метить в горло — он обрушился всей массой, стремясь сбить человека с ног и прижать к каменистому дну.

Виталий не закрыл глаза.

Он поймал летящую тушу на выставленное предплечье, а левой рукой выхватил нож и с короткого замаха снизу вверх вогнал клинок по самую рукоять под челюсть хищника —

прямо в мягкое подчелюстное сочленение.

Сталь вошла с чавкающим хрустом.

Вожак взвизгнул на ультразвуковой ноте, брызжа горячей черной сукровицей. В конвульсивной предсмертной агонии его челюсти рефлекторно сомкнулись.

Клыки вошли в правый бок Виталия.

Острая, разрывающая боль вспыхнула под ребрами. Ткань ветровки и футболки разлетелась в клочья, когти средней лапы полоснули по ребрам, пробивая мышечный каркас.

— СДОХНИ! — прохрипел Виталий сквозь зубы.

Не разжимая хватки, он навалился на клинок всем весом своего тела, провернул лезвие в ране и с силой рванул вниз.

Шестилапый вожак забился в предсмертных судорогах. Еще несколько секунд бешеных конвульсий — и тяжелая, дурно пахнущая туша обмякла, придавив ноги юноши к камням.

Два оставшихся зверя замерли. Они смотрели на поверженного вожака, на человека, стоящего на коленях в луже черной дымящейся крови, и пятились назад. Запах смерти вожака и яростный, нечеловеческий оскал Виталия сломали их охотничий строй. С глухим рычанием твари развернулись и растворились в багряном подлеске.

* * *

Виталий выбирался из-под туши почти четверть часа.

Каждое движение отзывалось в правом боку кипящей вспышкой боли. Когда он наконец вытащил ноги и прива-

лился спиной к валуну, темные круги перед глазами заслонили весь мир.

Правый бок представлял собой сплошную кровоточащую рану: сломанные ребра хрустели при каждом поверхностном вдохе, кровь сочилась толчками, пропитывая пояс штанов.

«Только не терять сознание... Только не здесь», — билась лихорадочная мысль.

Дрожащими, перепачканными в крови руками он сорвал с себя остатки рукава ветровки, сложил плотным комком и изо всех сил прижал к раненому боку, создавая жесткое прямое давление. Боль была такой, что дыхание перехватило, но кровотечение слегка замедлилось.

Оставаться на открытом дне распадка означало верную гибель: запах свежей крови неизбежно привлечет новых падальщиков.

Виталий пополз.

Цепляясь ослабевшими пальцами за выступающие корни и скользкие камни, обдирая колени и локти, он упорно тащил свое слабеющее тело вверх по склону — к узкому, заваленному буреломом оврагу под сенью исполинских багрянников.

С точки зрения земной медицины человек с такими повреждениями и кровопотерей должен был впасть в геморрагический шок и затихнуть еще у ручья. Но в глубине его груди, в самых темных пластах генетической памяти, тлело нечто неведомое. Словно крошечный уголек чужого

бессмертного пламени отдавал микроскопические импульсы жара, заставляя угасающее сердце делать удар за ударом.

Он вполз в углубление под сплетением толстых корней, перевернулся на спину и замер.

Сил не осталось даже на то, чтобы сомкнуть губы.

* * *

А над лесом тем временем разворачивалась великая небесная смена.

Большое золотое солнце уже коснулось горизонта, заливая верхушки деревьев кровавой медью. Следом за ним меньшее сапфировое светило начало медленно сползать за колоссальную тушу серебряной кольчатой планеты.

Свет угасал.

Словно гигантский занавес опускался на чужой мир. Наступала глухая, первобытная тьма — те самые часы абсолютной ночи, когда оба солнца скрываются из вида, а планета-гигант заслоняет остаточный свет звезд.

Температура стремительно падала. Багряная хвоя над головой застыла, лес погрузился в мертвое, священное оцепенение. Ни шороха. Ни шелеста.

Виталий смотрел сквозь просвет в корнях на холодные серебряные кольца в чернильном небе.

В глазах темнело. Сердце билось все реже: толчок... долгая пауза... слабый, затухающий толчок...

«Мама... батя... простите, — прошелестела последняя мысль на самом краю угасающего рассудка. — Димка... Ко-

стя... я иду к вам...»

Сердце пропустило последний удар.

Виталий больше не чувствовал холода, боли и собственного тела. Сознание погасло, словно кто-то задул последнюю свечу в бесконечной темноте.

И ровно в эту секунду в самой сердцевине его остывающей груди вспыхнула первая белая искра.

* * *

Первые сорок восемь часов в багряных зарослях Ардицила стали для Виталия жестокой школой выживания.

Здесь все было чужим. Воздух, хотя и содержал достаточно кислорода, казался гуще земного, оставляя на языке металлический привкус озона и горького миндаля.

Флора багряного леса не подчинялась законам земной ботаники. Деревья напоминали исполинские окаменевшие папоротники высотой в сорок метров с гладкими стволами цвета запекшейся крови. Вместо листьев их кроны венчали переплетающиеся кожистые ленты, которые на закате скручивались в тугие спирали, выделяя капли липкой, фосфоресцирующей смолы.

Виталий быстро понял, что эта смола смертельно ядовита: капля, упавшая на рукав его штормовки, прожгла плотный брезент за секунды, оставив на коже зудящий химический ожог.

Чтобы не замерзнуть во время трехчасового ночного провала между заходами солнц, юноша вырыл убежище под кор-

нями упавшего базальтового древа. Из обломка земного ледобура и кремневого сланца он научился высекать искры, разводя костер из сухих колючих шишек — единственного горючего материала, не дававшего едкого токсичного дыма.

Воду приходилось фильтровать через слои прокаленного песка, древесного угля и ткани разорванной футболки: открытые лесные ручьи несли в себе высокое содержание медного купороса и серных солей.

Но самым страшным были звуки ночного леса.

Когда над чащей всходили обе луны — огромная базальтовая Кианея и стремительная опаловая Левкофея — лес оживал. В темноте загорались сотни пар фосфоресцирующих глаз. Слышался утробный скрежет челюстей гигантских древесных многоножек и тяжелый, мерный шаг хищных тварей, выслеживавших добычу по теплу живого тела.

Виталий не спал сутками, сжимая в окоченевших пальцах обломок стального ледобура. В эти часы одиночества и первобытного страха в нем выковывалась та несгибаемая, волчья собранность, которая позже спасла ему жизнь в забоях Монолита.

ГЛАВА 3. ТРИ ЧАСА ТЬМЫ

Это не было сном. Сны приходят к живым, а Виталий провалился туда, где не существовало ни звуков, ни образов, ни времени.

Лишь холод. Черный, плотный, высасывающий последние крупицы тепла из остывающих пальцев.

А потом пришел Огонь.

Он не вспыхнул снаружи. Он родился в самом центре грудины — крошечная, ослепительно-белая точка размером с булавочную головку. Она не жгла плоть — она пульсировала в такт невидимому космическому ритму. С каждым микроскопическим ударом этой белой искры по остывающим сосудам прокатывалась волна первородной, созидающей ярости.

Боль вернулась. Но это была не тупая боль от раздробленных костей — это был чудовищный, выкручивающий мышцы жар перерождения.

Словно в кровь плеснули кипящего серебра. Сердце, замершее несколько минут назад, споткнулось, дернулось и сделало первый тяжелый, гулкий толчок. Следом — второй. Третий.

Тело Виталия выгнуло дугой на сухой листве. Из разорванного правого бока, прямо сквозь запекшуюся корку крови, брызнули тонкие, ослепительно-белые нити эфира. Они сплетались в воздухе, затягивая рваные края раны, как иглы

невидимого хирурга.

И рана затягивалась.

С глухим влажным шипением и треском раздробленные ребра смыкались, срастаясь в монолитные костные дуги. Мышечные волокна стягивались, выжигая бактерии и яд чужих когтей. На месте вырванного мяса нарастала новая ткань — неестественно плотная, пронизанная тончайшей сеткой белесых волокон.

А над оврагом в это время царила тишина, какой Земля не знала миллионы лет.

Наступила ледяная тьма.

Оба солнца скрылись за исполинской тушей кольчатой планеты. В абсолютном мраке кроны багряных сосен звенели от нарастающего мороза. Температура за считанные минуты рухнула далеко за нулевую отметку. Трава и камни покрылись колючим инеем.

Весь лес замер. Хищники спали в глубоких норах, птицы застыли на ветвях в анабиозе. Законы этого мира требовали оцепенения от всего живого под чужим небом.

Кроме одного тела в овраге под корнями, где сквозь нечеловеческую боль перекраивалась сама суть земной плоти. Белое пламя тлело в грудине, отдавая тепло каждой клетке и не позволяя крови замерзнуть в ледяных жилах.

* * *

Рассвет ударил внезапно.

Сначала над верхушками багряных сосен брызнули золо-

тые стрелы большого солнца, а следом, разгоняя морозный сумрак, взошло меньшее сапфировое светило. Небо вспыхнуло бирюзой и расплавленной медью. Ледяное дыхание ночи отступило.

Виталий открыл глаза.

Взгляд был мутным, словно сквозь закопченное стекло. Первое, что он осознал — боли в правом боку больше не было. Осталось лишь тупое, ноющее онемение.

Но слабость была абсолютной, сокрушительной. Восстановление переломанных костей и глубоких тканей сожгло почти все внутренние ресурсы организма. Попытка приподнять руку отозвалась мелкой, дрожащей судорогой. Во рту стояла пустыня, пересохший язык прилип к нёбу, в висках тяжело пульсировала глухая пустота.

Виталий с трудом повернул голову. Разорванная ветровка валялась рядом на мху.

Там, где накануне зияла рваная дыра со сломанными ребрами, теперь виднелся лишь широкий, белесый след, похожий на чешуйчатый перламутровый узор. Кожа была гладкой, холодной и невероятно плотной.

«Я выжил... — медленно ворочались мысли в отупевшем мозгу. — Каким-то чудом... выжил... Но если не найду воду — сдохну прямо здесь от истощения».

Он попытался опереться на локти. Мышцы задрожали крупной дрожью, перед глазами поплыли темные круги. Он смог лишь приподняться на несколько сантиметров и снова

бессильно уронил голову на сухую багряную хвою.

Шорох на краю оврага заставил его замереть.

* * *

Виталий с огромным усилием повернул шею.

Сквозь сплетение багряных папоротников на него смотрели круглые, испуганные карие глаза.

Маленькая девочка с коренастой фигуркой, плотными круглыми плечами и смешными рыжевато-русыми косичками, перехваченными кожаными ремешками, застыла на краю обрыва. На ней была простая льняная рубаха и передник из грубой кожи. К груди она испуганно прижимала плетеное лукошко с синими лесными ягодами.

Она во все глаза смотрела на полуобнаженного, истощенного юношу, покрытого странными серебристыми рубцами.

Девочка попятилась назад и звонко позвала в сторону лесного гребня:

— Деда! Деда-а!.. Тут... тут лежит кто-то!

Но в ответ донеслось лишь далекое эхо. Где-то выше по склону, заглушая птичий свист, мерно и тяжело ухал кузнечный молот по железу — дед работал и не слышал тонкого детского голоса.

Девочка снова посмотрела вниз.

Виталий с трудом разлепил потрескавшиеся, запекшиеся губы. Из его горла вырвался лишь глухой, едва слышный шепот:

— Воды... Пожалуйста...

Он не знал, поймет ли она земные слова. Но в звуках его сорванного голоса было столько смертной тоски и беспомощности, что голова юноши бессильно запрокинулась назад на мох.

Девочка вздрогнула. Любопытство и детская жалость победили страх. Шмыгнув носом, она осторожно скользнула вниз по глинистому откосу оврага, придерживаясь рукой за корни.

Она полезла в кожаную суму на поясе, достала маленькую деревянную фляжку, заткнутую восковой пробкой, подошла на цыпочках и бережно поднесла горлышко к его губам.

Виталий сделал жадный, судорожный глоток.

Кисловатая жидкость — похожая на горную сыворотку, настоенную на горьких травах — обожгла пересохший пищевод. Он закашлялся, едва не выронив флягу из ослабевших пальцев, но заставил себя сделать еще несколько глотков.

Голова немного прояснилась. Туман перед глазами стал отступать, хотя слабость никуда не исчезла. Даже пошевелить пальцами было тяжело.

Он попытался приподняться на локте, но руки тут же предательски задрожали.

— Не торопись, — тихо сказала девочка.

Она говорила на незнакомом, гортанном и певучем наречии, но в мозгу Виталия — словно в резонансе с тлеющей в груди белой искрой — чужие звуки мгновенно преобража-

лись в чистый смысл.

— Ты совсем слабый, — покачала головой девочка с искренней тревогой.

Виталий хотел ответить, поблагодарить ее, но вместо слов из груди вырвался только сиплый хрип. Язык чужого мира был ему недоступен, а собственная речь казалась тяжелым свинцом.

Сейчас он мог лишь лежать во мху и надеяться, что эти незнакомцы не оставят его умирать.

* * *

— Лина! Лина, чтоб тебя тролли в штольню утащили, ты куда запропастилась?! — громовой бас сотряс кроны багрянников над оврагом.

Кусты с треском раздвинулись, и по глине в овраг тяжело скатился коренастый, широкий, как наковальня, старый гном.

Его могучие плечи обтягивала безрукавка из толстой воловьей кожи, окладистая седая борода была заплетена в две тугие косы, а в мозолистой правой руке он держал увесистый кузнечный молот с зазубренным бойком.

— Святые наковальни... — выдохнул гном, со стуком опуская молот на камень. — Лина, отойди от него живо! Это же человек... Откуда в Багряной Чаще взялся человек?!

В его цепких маленьких глазах страх и подозрительность яростно боролись с профессиональным любопытством мастера. Он шагнул ближе, оглядывая неестественно развитую

мускулатуру Виталия, странные бесшовные ткани его спортивных штанов и свежие серебристые рубцы на месте смертельных ран.

— Деда, он живой, — тихо сказала Лина, заслоняя юношу плечом. — Пить просил.

Виталий попытался что-то сказать, но силы иссякли окончательно. Мир перед глазами качнулся и поплыл кровавыми кругами.

— Держись, парень, — послышался глухой голос кузнеца, звучащий уже словно сквозь толщу воды. — Если ты пережил эту ночь и клыкастых тварей Чащи, боги не просто так оставили тебя дышать. Лина, хватай лукошко! Помоги придержать его ноги.

Могучие, как тиски, руки гнома легко оторвали тяжелое тело юноши от земли и закинули на широкое плечо.

Виталий провалился в темную, горячую бездну.

* * *

Сознание возвращалось короткими, раскаленными вспышками.

Сухой треск горящих поленьев. Жар открытого очага, пахнущий древесным углем, каленым железом и смолой. Кто-то осторожно приподнимал его за затылок, вливая в рот обжигающий, жирный бараний бульон. Жидкость текла по подбородку, но тепло просачивалось в желудок, медленно возвращая жизнь в обескровленные мышцы.

А затем бредовый сон раздвинул бревенчатые стены хи-

жины.

Виталий парил посреди безмолвной пустоты. Вокруг переливались туманности, вращались гигантские сапфировые кольца, а под ногами мерцала холодная звездная пыль.

Из серебристого тумана перед ним соткался женский силуэт.

Виталий не мог разглядеть её лица. Оно словно менялось вместе с движением звёзд, а длинные волосы струились потоками живого света. В глазах незнакомки жила такая древняя печаль, что рядом с ней даже бескрайняя бездна казалась молодой.

— Ты выжил, дитя Земли.

Голос звучал прямо внутри его черепа — мягкий, как шелест звездного ветра.

— Кто ты? Где я? — беззвучно спросил Виталий.

— Меня называли по-разному. Но когда-то этот мир знал меня как Астрею. Ткачиху Звёзд.

— Что со мной произошло?

Женщина посмотрела на его грудь. Там, где под кожей билось белое пламя, пространство мерцало слабым серебристым светом.

— В тебе пробудилось то, что должно было навсегда остаться спящим.

— Что это за сила?

— Наследие, которое этот мир почти забыл.

— Зачем я здесь?

Астрея не ответила сразу. На мгновение в её взгляде мелькнуло сомнение.

— Я не знаю, почему Грань привела тебя именно сюда. Но знаю одно: твоё появление изменит многое. И не всё, что пробудится вместе с тобой, будет желать тебе добра.

— Я не просил об этом.

— Знаю, дитя Земли.

Её силуэт начал растворяться в звёздном тумане.

— Запомни, Виталий. Сила не делает тебя тем, кем ты должен стать. Она лишь покажет, кем ты был всё это время.

— Подожди! Мне нужно знать...

Но звёзды погасли.

* * *

И в ту же секунду сияние звезд сменилось непроглядным мраком земного подземелья.

Перед глазами снова возник тот проклятый туннель в Скалистом хребте.

Димка — широкоплечий, неугомонный, всегда готовый рассмешить друзей. Ещё несколько минут назад он шутил, размахивал своей палкой и мечтал о будущем. А потом чудовище бросилось на него.

Костя. Его круглые очки, растерянный взгляд, отчаянная попытка поднять геологический молоток. Один удар змеиного хвоста о базальт — и всё закончилось.

Виталий снова почувствовал тот ледяной ужас. Он помнил, как хотел броситься к друзьям, как ноги не слушались,

как чудовище перекрыло дорогу назад.

И помнил, как побежал.

«Почему я? Почему вы, а не я?»

Димка мечтал открыть свой зал и тренировать ребят из детдома, чтобы вытащить их с улицы, мечтал поднять мать и сестренку. Костя хотел заниматься наукой, исследовать то, чего ещё никто не видел. У них были планы, мечты, целая жизнь впереди.

А он остался.

«Я был сильнее их. Я тренировался, поднимал железо, учился драться. И всё равно ничего не смог сделать».

Виталий закрыл лицо руками. Слёзы текли сквозь пальцы — горячие, горькие слезы вины и бессилия.

Он не знал, сколько пробыл в этом оцепенении. Но впервые с момента падения в этот чужой мир позволил себе не бороться со страхом и болью.

Просто оплакать тех, кого больше не было.

*** * ***

Жизнь на горном хуторе старого Бора подчинялась размеренному ритму кузнечного ремесла.

Кузница гнома была сложена из дикого серого гранита прямо над жерлом природной термальной расщелины, откуда под давлением вырывался раскаленный вулканический газ. Бор не пользовался мехами: он открывал массивную чугунную заслонку, и направленный поток геотермального жара разогревал тигли до температуры плавления оружейной

стали за считанные минуты.

— Смотри на цвет окалины, Вито, — наставлял старик, держа тяжелыми клещами раскаленный брусок бронзо-стали. — Человек думает глазами, а кузнец должен чувствовать металл кончиками пальцев сквозь рукоять клещей. Если сталь соломенная — в ней еще жива упругость. Если пошла белым жаром — держи удар мягче, иначе сожжешь углерод и получишь хрупкую дрянь.

Виталий часами стоял у наковальни, работая тяжелым шестнадцатикилограммовым молотом.

Его развитая на Земле мускулатура и знание кристаллической решетки металлов позволяли схватывать секреты подгорного племени на лету. Юноша предложил Бору зонную закалку клинков с использованием глиняной обмазки — древний земной метод японских мастеров, о котором на Ардиците никто не слышал. Топоры и серпы, вышедшие из-под их совместного молота, приобретали бритвенную остроту лезвия при сохранении вязкой, несокрушимой сердцевины обуха.

По вечерам, когда горн затухал, Лина накрывала грубо отесанный дубовый стол в жилой избе.

В глиняных мисках дымилась разваристая каша из горного ячменя, заправленная сушеными копчеными грибами и козьим сыром. Лина раскладывала пучки сушеных трав — серебрянки, горного чабреца и медуницы, наполнявших избу ароматом летних альпийских лугов.

Она часто просила Виталия рассказать о его далекой родине.

— Неужели на твоей Земле совсем нет господ с огнеметами? — тихо спрашивала девушка, подперев подбородок маленьким кулачком и глядя на юношу в свете восковой свечи.

— Господа есть везде, Лина, — с грустной улыбкой отвечал Виталий. — Но там люди научились объединяться в союзы, писать законы и строить машины, чтобы облегчить труд пахаря и кузнеца. Там ребенок идет в школу, а не в шахту за кусок хлеба.

— Красивая сказка... — вздыхала Лина, опуская длинные ресницы. — Хотела бы я хоть одним глазком взглянуть на этот твой мир...

ГЛАВА 4. ХУТОР НА КРАЮ СВЕТА

Тепло вернулось раньше, чем ясное понимание происходящего.

Виталий спустил босые ноги с лавки на гладкие плахи деревянного пола. Воздух в избе был напоен ароматами березового дегтя, сушеной мяты и каленого чугуна.

Виталий оглядел комнату.

Низкий потолок, грубые бревенчатые стены, сложенный из дикого базальта очаг. В углу высились незнакомые кузнечные инструменты с длинными рукоятями, на широкой полке сушились связки терпких трав, а за маленьким слюдяным оконцем вздымались исполинские багряные деревья.

Ни одного знакомого предмета.

Ни телефона. Ни привычного городского гула за окном. Ни голосов родителей.

Он машинально коснулся груди, словно проверяя, на месте ли сердце. Под пальцами ощущалась плотная, гладкая кожа со следами перламутрового рубца.

Димка и Костя не вернутся.

Эта мысль пришла без предупреждения — ледяная, сокрушительная, выбившая остатки воздуха из груди. Виталий опустил голову на раскрытые ладони.

Он был жив. Но домой ему было некуда.

* * *

В проеме низкой двери, ведущей в кузницу, стоял старый гном. Безрукавка из толстой воловьей кожи открывала жилистые, покрытые ожогами и седым волосом руки. Правое плечо старика было заметно перекошено — застарелая травма, полученная, судя по неровным шрамам, под тяжелым каменным завалом.

— Оклемался, бродяга? — прогудел старик, упирая кулаки в бока. — Трое суток пластом лежал. Лихорадка тебя так трясла, что овчина дымилась. Думал, не жилец. Обычный человек от таких ран отдает концы еще до заката.

— Спасибо, — искренне произнес Виталий, поднимаясь на ноги. Голова слегка кружилась, но тело держало равновесие твердо. — Если бы не вы и ваша внучка, я бы остался в том овраге навсегда.

— Зовут меня Бор, — буркнул старик, отводя глаза. — Девчонка — Лина, внучка моя. Это наш хутор на краю Багряного Пала. Редкое место, куда каратели и рудничные ищейки заглядывают не каждый месяц.

Лина робко подошла к столу, поставив перед юношей глиняную миску с разваренной кашей и ломоть подсушенного серого хлеба. На ее круглом личике сияла застенчивая улыбка.

— Ешь, Вито, — тихо сказала она. — Деда барашка зарезал, чтоб тебе сил нагнать.

— Откуда ты знаешь мое имя? — удивился Виталий, принимая деревянную ложку.

— Ты в бреду шептал, — пояснил Бор, раскуривая короткую вересковую трубку. — Звал каких-то Димку с Костей, да поминал «сопромат» с «динамометром». Чертовщина какая-то... Ни в одних летописях таких заклятий не слыхивал.

Виталий ел не торопясь, с наслаждением ощущая, как простая сытная пища возвращает силы в истощенные мышцы.

* * *

Первый день после пробуждения Виталий посвятил тому, чтобы прийти в себя и освоиться.

Хутор Бора стоял на высокой гранитной террасе. С севера его прикрывали неприступные зубцы Драконьего Хребта, а на юг до самого горизонта простиралась Багряная Чаща. В десяти шагах от мастерской с глухим ревом несся горный поток, пробивший в граните глубокое естественное русло.

Возле кузнечного сарая высилась гора нерасколотых бревен железного дуба. Древесина была темной, как мореный гранит, и пропитана кремнием.

Виталий решил помочь старику по хозяйству.

Тело слушалось непривычно хорошо. Ни боли, ни слабости, ни привычной тяжести в мышцах после долгой тренировки. Казалось, оно стало сильнее, чем прежде, но Виталий пока не понимал, насколько.

Он подошёл к колоде и поднял колун. Инструмент весил килограммов пять, однако в руке ощущался почти невесомым.

Первый удар расколол железный дуб надвое.

Виталий нахмурился, посмотрел на колун, затем на полено.

— Ничего себе…

Движения вошли в четкий, размеренный ритм. Он не тратил силы впустую: подъем — разворот бедер — короткий выдох — удар. Через час перед колодой высилась аккуратная поленница расколотых дров.

Лина, вышедшая на крыльцо с кувшином травяного взвара, замерла с раскрытым ртом:

— Деда! Гляди! Он железный дуб колет, как сухостой!

Бор вышел из мастерской, вытирая руки замасленной ветошью. Старый кузнец долго смотрел на гору наколотых поленьев, затем перевел взгляд на Виталия:

— Человек не может колоть железный дуб без разгона тяжелым молотом, — тихо сказал Бор. — Только если в его костях нет силищи тролля.

— Я просто умею вкладывать массу корпуса, — ответил Виталий, опуская топор. — В моем мире это называется биомеханикой.

Вечером того же дня Виталий заглянул в кузницу.

Бор стоял у наковальни, пытаясь отковать широкую пластину лемеха для плуга. Каждый удар ручного молота давался старику с мучительным усилием: искалеченное правое плечо не слушалось, боек срывался, старик шипел сквозь зубы и зажимал сустав левой рукой. На лбу кузнеца блестел

холодный пот от боли.

Виталий молча наблюдал за этой борьбой. Гордый, мастеровитый гном медленно угасал под гнетом немощи, рискуя оставить внучку без куска хлеба.

* * *

На следующее утро Виталий долго изучал ручей, затем осмотрел кузницу и старую наковальню. В голове постепенно складывалась инженерная схема.

— Нам понадобится водяное колесо, — сказал он, когда они с Бором вышли к воде. — Поток будет вращать вал. На валу закрепим выступы, которые станут поднимать молот. Дальше сила тяжести сделает остальное.

Бор недоверчиво посмотрел на него:

— Вода должна ковать железо?

— Не сама. Она будет работать вместо твоих рук.

— Я пробовал ставить колесо десять лет назад, — покачал головой гном. — Поток бешеный, лопатки вырывает в щепы. А если делать колесо широким — оно вязнет, силы поднять тяжелый молот в нем нет.

— Потому что ты ставил прямое колесо со свободным течением, — пояснил Виталий, рисуя прутиком на влажном песке. — Мы построим верхнебойное колесо с отводным деревянным желобом и заслонкой. Вода будет падать на лопатки сверху, отдавая не только скорость течения, но и вес падающей массы.

— А если колесо не выдержит?

— Тогда построим другое.

Старый гном усмехнулся:

— Говоришь так, будто у нас в чулане сотня запасных колёс.

— Нет. Поэтому первое придётся сделать правильно.

* * *

Следующие три дня хутор превратился в настоящую стройплощадку.

Они работали с утра до позднего вечера. Виталий валил сухие стволы железного дуба и вытесывал массивные брусья, а Бор ковал крепежные скобы, металлические ободья и тяжелый шестидесятикилограммовый боек.

К исходу третьего дня механизм был собран: 1. Колесо: диаметром два с половиной метра, с глубокими профилированными ковшами, установленное на мощных дубовых козлах в каменном ложе отводного канала. 2. Вал: полуметровый дубовый ствол, на концах которого Бор установил кованые стальные цапфы, вращающиеся в желобах из отполированного гранита. 3. Кулачковый узел: четыре массивных кулачка, врубленных в тело вала по спирали. 4. Рычажный молот: трехметровый дробовой брус из упругого ясеня, на конце которого крепился боек, нависающий точно над вспомогательной наковальней.

— Ну что, попробуем? — Бор нервно сжимал клещи.

Виталий поднял заслонку на желобе.

Вода хлынула в ковши. Колесо скрипнуло, тяжело стро-

нулось с места и начало набирать обороты. Вал провернулся. Первый кулачок набежал на пятку молота, приподнял тяжелый брус...

ТРЕСК!

Сухой, пушечный звук разорвал тишину.

Деревянный кулачок не выдержал колоссального давления чугунного молота и лопнул вдоль волокон, разлетевшись на куски. Одновременно вал перекосило, цапфа со скрежетом заклинила в сухом гранитном гнезде, и колесо остановилось под напором хлещущей воды.

Бор сплюнул под ноги:

— Я же говорил! Дерево против железа не выстоит! Зря время убили.

Виталий перекрыл воду и подошел к сломанному узлу. Он не злился и не расстраивался — включился холодный ум инженера. Он провел пальцами по расколотому дубу, ощупал разогретую от трения цапфу.

— Ошибка в распределении нагрузки, — спокойно сказал Виталий. — Удар приходился на излом волокон. И трение в опоре слишком велико: камень задрал металл.

— И что делать? — угрюмо буркнул Бор.

— Доработать конструкцию. Мы скуем на каждый кулачок дуговую стальную накладку — пусть железо бьет по железу. А гранитные опоры проточим, отполируем песком и смажем топленым бараньим салом с толченым древесным углем. Трение заметно уменьшится.

Старик посмотрел на спокойное, сосредоточенное лицо юноши, вздохнул и молча раздул угли в горне:

— Ладно. Разжигай горн, парень. Будем ковать накладки.

* * *

На следующий день, на исходе четвертых суток работы, они провели повторный пуск.

Все четыре кулачка были закованы в закаленную сталь, опоры обильно смазаны жиром, а над хвостовиком молота Виталий закрепил упругую березовую жердь-очеп, смягчающую возвратный импульс.

Виталий снова поднял заслонку.

Колесо пошло мягко, без визга и рывков. Вал провернулся. Первый стальной кулачок плавно набежал на пятку молота, поднял боек на метр от наковальни и отпустил.

БУМ-М-М!

Земля под ногами вздрогнула. Шестидесятикилограммовый боек с глухим звоном рухнул на наковальню.

БУМ-М-М! БУМ-М-М! БУМ-М-М!

Молот заработал в четком, размеренном ритме — около сорока ударов в минуту. Вода мерно крутила вал, а тяжелая сталь наносила удары чудовищной разрушительной силы.

Бор заложил под боек раскаленную добела чугунную крицу.

Сноп ослепительных искр брызнул во все стороны. Молот за три удара расплющил крицу в идеальную ровную полосу — то, на что у старого кузнеца с ручным молотом ушел бы

целый день непосильного труда.

Виталий перекрыл воду. Молот замер.

В наступившей тишине шумел лишь горный ручей. Бор подошел к механизму, дрожащей рукой коснулся гладкого стального бойка, и в его глазах блеснули слезы.

— Теперь я смогу работать, даже если плечо снова откажет, — тихо, сдавленным голосом произнес старик. — Заказы, которые раньше отнимали неделю, будем выполнять за день. Может, впервые за много лет у нас появится шанс рассчитаться с налогом...

* * *

Вечер в избе Бора был тихим и теплым.

В очаге мирно потрескивали дрова, в глиняных плошках догорал бараний жир. Лина тихонько подошла к сидевшему на лавке Виталию и протянула ему сложенный вчетверо льняной платок, на котором шелковыми нитями был вышит изящный белый дракон, расправивший крылья среди звезд.

Виталий осторожно взял платок. Ткань была старой, местами потёртой, но вышивка сохранилась удивительно хорошо.

— Это ведь память о твоей маме, Лина. Ты уверена, что хочешь отдать его мне?

Девочка серьезно кивнула своими круглыми глазами:

— Она говорила, что белый дракон защищает тех, кто заблудился.

Виталий на мгновение замолчал, чувствуя, как к горлу

подкатывает горячий ком.

— Тогда я постараюсь его не потерять.

Он бережно спрятал платок во внутренний карман безрукавки, ближе к сердцу, где ровно и тихо пульсировала белая искра.

* * *

Когда Лина ушла спать за занавеску, Бор набил трубку сухим листом и долго молчал, глядя на пляшущие в очаге угли.

— Мой дед рассказывал, — негромко заговорил старик, — что в Караг-Думе, в дни нашей юности, двери никогда не запирали перед людьми и эльфами. В залах Первых сидели мастера всех трех народов. Гномы строили, люди растили хлеб, эльфы хранили мудрость. Тогда мы еще не считали друг друга чужаками. Великие Драконьи Владыки учили нас языку камня и гармонии стихий.

Кузнец тяжело вздохнул:

— А потом пришел король Брэд. Он возжелал единоличной власти над недрами и заключил предательский союз с орками — Серый Пакт. Первых истребили, Караг-Дум превратили в каменоломни, а Подгорное Царство назвали Монолитом. Мой учитель, мастер Вардо, поднял восстание в Нижних Горизонтах тридцать лет назад. Его объявили безумцем и сбросили в Мертвый Штрек — самую глубокую и ядовитую бездну рудников. Всю его гильдию заковали в кандалы. Я тогда чудом ушел в эти глухие леса...

— Зачем Брэду шахты? Что они добывают такой ценой?

— спросил Виталий.

— Арканит, — помрачнел Бор. — Фиолетовый кристалл, спящий в сердцевине гор. Он питает паровые котлы его боевых машин и дает силу рунам. Но арканитовая пыль сжигает легкие за пару сезонов. Брэду нужны тысячи новых рабов каждый год. Поэтому его каратели выгребают из деревень всех подряд. А если деревня не сдаст норму железа — забирают детей.

Виталий слушал, и внутри него закипала глухая, тяжелая ярость.

— И ты хочешь сказать, что никто не может остановить этого Брэда?

Бор усмехнулся без веселья:

— Многие пытались. Мёртвые не расскажут тебе, чем закончились их попытки.

Виталий посмотрел на свои ладони — широкие, покрытые въевшейся кузнечной сажей. Ещё несколько дней назад он был обычным парнем с Земли. Теперь его тело заживало после смертельных ран, а кровь хранила загадочное пламя.

— Я не знаю, что могу сделать, Бор. И не знаю, хватит ли у меня сил. Но смотреть, как забирают детей, я не собираюсь.

Старый гном долго молчал, вглядываясь в серые, спокойные глаза юноши.

— Опасные слова, парень.

— Возможно. Но других у меня пока нет.

* * *

В один из редких ясных дней, когда оба солнца — золотое и сапфировое — стояли в зените, Бор взял Виталия с собой на дальние горные выселки за древесным углем.

Дорога вилась по узким скальным карнизам над пропастью, где внизу, в клубах сизого тумана, шумела бурная река Серебрянка. Воздух здесь был напоен ароматом горной полыни и смолы карликовых кедров.

Старый гном шагал мерно, опершись на узловатую палку из железного дерева: — Ты хорошо держишь молот, парень. У тебя рука верная, глаз точный. Но в кузнечном деле мало одной геометрии. Металл — он живой. В нем спит память о тех временах, когда земля была огненной кашей. Если ты бьешь по наковальне со злобой — сталь получится ломкой, как сухое дерево. Если бьешь с уважением к руде — меч в руке воина сам отведет смертельный удар.

— На моей родине металл считали просто сплавом кристаллов, Бор, — ответил Виталий, любуясь панорамой заснеженных пиков.

— Ваши мудрецы смотрели на мир через узкую щель, сынок, — покачал седой бородой кузнец. — Они видели форму, но не замечали дыхания. Вот почему твои железные птицы падали с неба, когда кончался керосин. А древние драконы летали силой собственного пламени, не зная усталости столетиями.

Лина, шедшая позади с легким берестяным коробом для целебных трав, вдруг остановилась, вглядываясь в южное

ущелье: — Батя... посмотри на дым над Черным Перевалом.

На горизонте, закрывая сапфировое небо, поднимался жирный, черный столб чада. Так горели только смоленые стропила крестьянских изб, подожженные огнеметами карателей Пакта.

Лицо старого Бора потемнело, кулаки сжались до побелевших костяшек: — Ищейки Ведомства Пепла рыщут в долине. Собирают дань кровью... Пора возвращаться на хутор, дети. Добром этот дым не пахнет.

ГЛАВА 5. ЖЕЛЕЗНЫЙ СБОР

Частокол хутора разлетелся с треском сухого хвороста.

Во двор вползла машина. Это был не земной грузовик и не танк — это был «Бронеход Сбора» Монолита. Неуклюжая, чудовищная громадина на четырех спаренных стальных колесах с зубчатыми ободьями, изрыгающая в багряное небо клубы черного угольного дыма и белого шипящего пара. Броня из клепаного серого чугуна была покрыта потеками копоти и желтыми руническими клеймами.

Из чрева машины с лязгом откинулась аппарель, и во двор высыпали каратели.

Семеро гномов «Стального Надзора». Никаких бород наружу и крестьянских рубах: глухие стеганые поддоспешники, тяжелые кирасы из черного чугуна, закрытые шлемы с узкими щелями забрал, за которыми мерцали багровые рубиновые линзы. В руках — короткие пневматические ружья, тяжелые шоковые клевцы и щиты с зубчатыми кромками.

Впереди на короткой цепи рвался механический пёс.

Конструкт размером с матерого волка был собран из бронзовых пластин и стальных шарниров. Из его решетчатой пасти с сухим скрежетом вращалась дисковая пила, а в глазницах горел мертвенный арканитовый свет. Автоматон скреб когтями каменные плиты двора, ведя носом по воздуху.

След чужака.

— В погреб! Живо! — Бор с неожиданной для старика силой втолкнул Виталия в сени, наваливаясь на массивную дубовую крышку подпола.

— Бор, я могу помочь... — попытался возразить Виталий.

— Молчи, парень! Если они увидят человека без клейма — нас всех живьем сожгут! Сиди и не дыши!

Крышка захлопнулась, глухо щелкнул наружный засов. Виталий оказался в земляном полумраке подпола.

Сквозь щели между массивными досками пола пробивались полосы тусклого света. Наверху раздались тяжелые, кованые шаги. Входная дверь избы распахнулась от пинка такой силы, что со звоном вылетели слюдяные оконца.

— Именем Верховного Комитета и Его Несокрушимой Воли Короля Брэда! — проскрежетал металлический голос из-под шлема.

В комнату вошел офицер Надзора — инспектор Дроган. На его широком наплечнике блестел серебряный шеврон инквизиции, а на поясе покачивался тяжелый револьвер с руническим барабаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.